

ՔԱՂԱՔԱՑԻՄԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆԵՔ

МЕТОДОЛОГИЯ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Марианна КАЛАШЯН

*Соискатель Кафедры гражданского и
гражданско-процессуального права
Российско-Армянского (Славянского)
университета*

Определение применимого права всегда являлось ключевой проблемой международного частного права. Можно с уверенностью сказать, что сфера данной отрасли является одним из тех феноменов права, выработка однозначных решений и подходов к которым является делом нередко вызывающим довольно пессимистические убеждения.

Разногласия относительно коллизионных правил, в частности обязательств из договоров, в доктрине были чрезвычайно существенны и велики. В доказательство сказанного следует привести мнение, высказанное германским профессором Хр. фон Баром. Считая несколько неопределенным мнение, в силу которого установление общего принципа обязательственного коллизионного права невозможно, Хр. фон Бар все же признает законодательную формулировку такого принципа делом исключительной трудности и даже высказывает следующее предположение: не лучше ли вовсе от этой формулировки отказаться?¹

В русской литературе пессимистическую позицию занимал Ф.Ф. Мартенс, считавший, что нет возможности найти

какой-либо один закон, на основании которого разрешались бы все вопросы обязательственного коллизионного права².

Однако, данные позиции, думается, являются лишь показателями уровня достаточной сложности в процессе отыскания системы определения применимого к договорным обязательствам права. Имеется в виду, что отказ от отыскания коллизионных правил в данной сфере привел бы к хаотичной ситуации в международном хозяйственном обороте.

Не задаваясь целью привести все варианты существующих теорий, рассмотрим только наиболее распространенные и определяющие из них на протяжении процесса становления коллизионного метода регулирования.

Среди первоначальных исследовательских проблем коллизионного права следует отметить представителей школы статутариев, и в особенности, ее родоначальника — Бартола де Сассоферрато. Весьма существенным новшеством в доктрине Бартола явились попытки установить принципы для разрешения конфликтных вопросов, другими словами, попытки отрешиться от сплошной казуистики³. Статутарии классифицировали статуты на реальные, которые действовали только на территории принявшего их государства, и персональные, которые всегда следовали за лицом, где бы он не находился. Статутарии полагали, что эта классификация способна решить

все потенциально возможные конфликты, поскольку все статуты — и национальные, и иностранные — принадлежат к одной из двух категорий, и, таким образом, исключается всякий возможный между ними конфликт⁴. Таким образом, это означало впервые постановку вопроса разработки методологии в деле разрешения коллизий.

По справедливому мнению армянского ученого А.М. Айкянца, обобщение концепций и теорий международного частного права позволяет утверждать, что все они касаются двух основополагающих принципов - территориального и персонального (личного) законов. Как отмечает ученый, историческое развитие международного частного права была историей сочетания и разумной гармонизации этих двух принципов⁵.

В дальнейшем, с возрастанием значения теории государственного суверенитета, исследователи коллизионного права ставили и пытались дать ответы на следующие основные вопросы:

- почему суды должны применять иностранное право наряду с действием принципа территориального суверенитета;
- каковым должен быть метод определения применимого права.

Поставленные вопросы нашли свое обоснование в основных доктринальных подходах для применения иностранного права.

Предлагалось объяснить действие норм иностранного права исходя из принципа или доктрины **международной вежливости (comitas gentium)**. Суть данного подхода заключается в том, что применение норм иностранного права необходимо, потому что обратное может рассматриваться как выражение пренебрежения к иностранному суверенитету, как отсутствие “международной вежливости” в отношении иностранного

государства⁶. Как утверждал У. Губер в своей монографии по коллизионному праву (“De conflictu Legum”, 1689 г.), признание действия иностранных законов есть лишь проявление принципа международной вежливости.

Между тем, с середины XIX века данная доктрина воспринималась как относящаяся к уже пройденному этапу развития цивилизованных государств. Именно со второй половиной XIX в. связывается появление новой доктрины — **доктрины международно-правовой общности**. Выразителем данного учения международного частного права явился великий ученый Фридрих Карл фон Савиньи. Он исходил из того общего положения, что “целесообразно”, чтобы по делам, содержащим иностранный элемент, “одни и те же отношения могли ожидать одинакового решения, независимо от того, в каком государстве будет вынесено решение”⁷. Достижение данной цели Ф.К. фон Савиньи видел в существовании международной общности народов, поддерживающих отношения друг с другом. Таким образом, Ф.К. фон Савиньи исходит не из территориальности отдельных правопорядков, а из международно-правовой общности этих правопорядков.

Доктрина “международной общности” Ф.К. фон Савиньи не нашла своего отражения в Германском Гражданском Уложении 1846 г. не потому, что авторы уложения нашли эту концепцию нежизнеспособной, а потому, что в конце XIX в. Германия уже мечтала о всемирном господстве, и широкое применение иностранного права не соответствовало ее глобальной настроенности. Тем не менее, универсализм Ф.К. фон Савиньи имел многочисленных последователей, которые преследовали цель создания всеобщей системы коллизионных норм. Концепция Ф.К. фон Савиньи в дальней-

ԲԻԼԱԹԵՐԱԼԻԶՄ ԻՐԱՎՈՒՆԵՐ

шем выступила в качестве концептуальной основы процесса международно-правовой унификации⁸.

Следует выделить еще одну группу теорий, суть которых заключается в применении лишь **внутреннего национального права**. основополагающие принципы данных учений были выдвинуты К.-Г. Вехтером. Ниже более подробно обратимся к рассмотрению теории примата права страны суда.

Еще одним научным течением, которое пришло на смену статутарной теории в XIX веке, стала национальная теория итальянского исследователя П. Манчини. Согласно учению П. Манчини первоочередное значение для международного частного права имеет национальный закон, а именно закон гражданства лица. Исключением из общего правила действия национального закона является лишь началами публичного порядка. По П. Манчини, применение национального закона лица основывается не на международной вежливости, не на практическом интересе того или иного государства, а на прочном принципе закона гражданства. Следует отметить, что итальянская школа вместе с принципом гражданства, рассматривала еще один принцип — «принцип свободы», который означал свободу договаривающихся сторон выбирать закон, который должен регулировать их договор⁹.

Итак, указанные основные учения, обосновывающие применение иностранного права, позволили сформироваться двум большим системам определения применимого права, антагонизм или комплементарность которых являются предметом научных дискуссий и в наше время.

Этими двумя системами явились **би-**

латерализм (или мультилатерализм) и **унилатерализм**.

Билатерализм, как система определения применимого права, нашел свое теоретическое обоснование в учении Ф. К. фон Савиньи.

В фундаментальном труде «Система современного римского права» получило отражение его учение «о пространственных границах власти правовых норм над правоотношениями» (т. VIII, 1849), которым он предложил совершенно новую теорию коллизионного права, отвергнув статутарную теорию и деление статутов на реальные и персональные¹⁰. Ф.К. фон Савиньи считал, что для определения того, какой из территориальных законов должен быть применен, нужно исследовать природу данного отношения. Концентрируя научное внимание на правоотношениях, Савиньи полагал, что всякая коллизионная проблема сводится к локализации правоотношений в пространстве.

Формирование единых коллизионных правил, в котором ученый видел конечную цель международного частного права, было возможно, как утверждал Ф. К. фон Савиньи, путем установления для каждого правоотношения того закона, к которому данное правоотношение в целом по своей природе относится или под которое подпадает. Для каждого правоотношения необходимо отыскать его основополагающую связь с определенным правопорядком, т.е. найти «центр оседлости правоотношения», так называемый «Sitz».

С этой целью Ф.К. фон Савиньи произвел классификацию международного частного права на категории, которые соответствовали делению в частном праве (наследственное право, обязательственное право — договоры и деликты и др.), а затем с помощью привязок, таких как, domicilio, место заключения

сделки и других, определил оседлость каждого правоотношения. В результате Ф.К. фон Савиньи получил систему двусторонних коллизионных норм, которые были предназначены для регулирования почти всех категорий правоотношений. Причем, руководящую роль в определении оседлости Ф.К. фон Савиньи отдал воле сторон, которые могли свободно подчинить правоотношение определенному правопорядку. Воля сторон здесь приобретает роль основного фактора для разрешения коллизий. В договорных обязательствах при отсутствии воли сторон следовало исходить из привязки места исполнения обязательств.

Рассмотренная концепция представляет собой систему, в которой признается равенство различных правопорядков. Ф.К. фон Савиньи не признавал широкого применения права страны суда, утверждая, что это является источником несправедливости: ведь применение *lex fori* даст возможность одной стороне зависеть от односторонних действий другой стороны.

Ф.К. фон Савиньи стал основателем системы билатерализма, методология которой была принята за основу международного частного права многих стран. В этой системе иностранное материальное право и *lex fori* признаются равноценными, а определение применимого права осуществляется посредством отсылки к праву, к которому это отношение тяготеет.

Итак, билатеральная система основана на выборе правопорядка, а не отдельной материальной нормы. Не означает ли это “слепой” выбор нормы? Ведь данный подход не позволяет сравнивать материальные нормы различных правопорядков, а лишь указывает на применимый правопорядок, таким образом, и не принимает во внимание материальный результат (*substantive result*) применения

коллизионной нормы.

В вышеуказанном и заключается основной недостаток данного подхода. Положительная роль этой концепции в установлении положения равенства между существующими правопорядками.

Обращаясь к следующей системе, которая именуется в литературе унитаризм, т.е. односторонний подход к вопросу разрешения коллизий, постараемся рассмотреть его основные негативные и положительные стороны.

Современник Ф.К. фон Савиньи, Карл-Георг фон Вехтер дал концептуальное обоснование унитарального подхода. По его мнению, международная вежливость или международное публичное право не являются основанием для применения иностранного права. Международная гармония решений также не является таким основанием. И, наконец, интерес иностранного государства в применении его нормы также не имеет определяющего значения, потому что, как правило, в сфере частного права такие интересы не имеют большого значения¹¹. В основе учения К.-Г. фон Вехтера лежит положение, согласно которому суд всегда применяет свое внутреннее право, т.е. устанавливается презумпция в пользу применения *lex fori*¹². Если в действующем внутреннем праве нет прямой отсылки к иностранному закону, то судья должен исходить из общего духа отечественных законов, чтобы решить дело, осложненное иностранным элементом. Если же из смысла и духа отечественного закона нельзя вывести ответ на вопрос о применении иностранного закона, то применяется *lex fori*¹³. К.-Г. фон Вехтер утверждает, что, в случае сомнений относительно применимости к данному случаю чужого или отечественного закона, предпочтение должно всегда отдаваться закону оте-

ԲԱՂԱՔԱՑՆԻՎԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆԵՐ

чественному.

По мнению Ф.К. фон Савиньи и многих критиков, теория К.-Г. фон Вехтера страдала определенной узостью¹⁴. Как указывает М. Вольф, К.-Г. фон Вехтер полагал, что неполноту норм коллизийного права можно “исцелить” сентенцией о том, что суд должен восполнять пробелы путем применения своего национального закона¹⁵.

Таким образом, унилатеральная система, обоснованная К.-Г. фон Вехтером, представляла собой закрытую систему, в которой применение иностранного права является исключением.

Унилатерализм стал основой учений американских идеологов революции конфликтного права в США — Б. Карри, Д. Каверса и др. Унилатеральная система исходит из того положения, что каждый правовой порядок самостоятельно устраняет действие своих норм в пространстве и по кругу лиц. Если вопрос, являющийся предметом спора, не подпадает под действие материальных норм страны суда, то все правовые порядки, которые претендуют на применение своих норм в этом случае, определяются как неприменимые. Данная ситуация носит название — “универсальный призыв” (по Р. Аго)¹⁶.

Таким образом, в унилатеральной системе происходит переосмысление принципов коллизийного регулирования, которое основано на замене процесса определения применимого законодательства поиском применимой нормы. Унилатеральная система в ее крайнем проявлении не располагает инструментом билатерализма — метода отсылок или привязок. Данная система “работает” непосредственно с материальными нормами, тем самым обеспечи-

вается прямое экстерриториальное действие нормы иностранного права. Значимость унилатерализма заключена в возможности усмотреть в нормах материального права интересы государства в области экономики, защиты слабой стороны.

Отметим, что несмотря на широкую критику унилатерального подхода, невозможно полностью отвергать его применение. Как указывает Ф. Вишер, унилатерализм, как способ определения применимого права, способен к существованию, если он будет дополнен беспристрастным отношением к претендующим на применение материальным нормам различных правовых порядков, включая применение норм *lex fori*.

Итак, утверждение классических коллизийных норм во второй половине XIX века означало приверженность к учению Ф.К. фон Савиньи о методе локализации правоотношения. Господствовавшая система была нейтральна по отношению к материальному исходу коллизии — результату выбора применимого права. Коллизийные нормы рассматривались как нормы о нормах, т.е. им была присуждена лишь отсылочная, механистическая роль. Классический коллизийный метод предоставил возможность рассматривать два равноправных в применении к коллизийным вопросам правового порядка — иностранного и отечественного. Данный метод создал основу для сосуществования различных гражданских систем стран мира.

Однако, на наш взгляд, как и все системы, система коллизийного права должна была следовать своему естественному, последовательному развитию. И, следовательно, для разрешения новых проблем на пути своего становления на качественно новый уровень, характер коллизийных норм должен был подвергнуться новой трактовке.

Речь идет о тенденции доктринального изменения роли коллизионных норм от отсылочной к регулятивной. Так, Л.А. Лунц рассматривал коллизионные нормы как нормы, которые не могут быть сведены к юридико-техническим правилам или же к нормам, определяющим компетенцию правовых систем различных государств, так как коллизионная норма вместе с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает, образует настоящее правило поведения для участников гражданского оборота¹⁷.

Постепенно коллизионные нормы стали рассматриваться в своем новом амплуа. Исследователи пришли к выводу, что коллизионное право не должно пониматься как некая система абстрактных правил о применении материальных норм, так как в процессе применения таких норм судья обращается к внутренним нормам при квалификации понятий, содержащихся в коллизионной норме, и далее при использовании таких категорий, как публичный порядок, свехимперативные нормы, обратная отсылка, а после выбора применимого права суд рассматривает дело по существу на основании норм той правовой системы, к которой и отослала коллизионная норма.

Итак, когда уже за коллизионным методом была признана регулятивная функция, стали очевидны и актуальны следующие цели: достижение максимальной предсказуемости результата, принятие справедливого решения, исходя из существа спора; учет интересов и оправданных ожиданий сторон.

Регулятивная функция коллизионных норм все больше усиливается, что проявляется не в простой механической отсылке к определенному правопорядку, а в разумном взвешивании претендующих на применение материальных норм¹⁸.

Рассматривая вопрос изменения ви-

дения роли коллизионного метода, целесообразно затронуть проблему достижения справедливости в данной сфере, ведь в широком смысле, именно это является первостепенной задачей и конечной целью регулирования частноправовых споров на международном уровне.

Указанная проблема — одна из дилемм международного частного права, заключающаяся в понимании конечной цели выбора применимого права — справедливости, которая дифференцируется на справедливость в коллизионном праве (*conflicts justice*) и справедливость в материальном праве (*material or substantive justice*)¹⁹. Справедливость в коллизионном праве в течение веков рассматривалась как первостепенная задача и цель коллизионного права, доминируя над *material justice*. Однако материальная справедливость должна рассматриваться в качестве звена коллизионного регулирования. С. Симеонидес считает, что классический подход состоит скорее в выборе подходящего государства, право которого будет применяться, чем в прямом поиске подходящего права, не говоря уже о поиске подходящего результата²⁰.

Таким образом, согласно классической школе коллизионного права именно право подходящего государства и есть подходящее (применимое) право. Основной принцип выбора права, по Г. Кегелю, в том, что справедливость в коллизионном праве имеет первенство перед содержанием норм материального права; определяться должен не наилучший результат применения норм материального права, а наилучший результат, способствующий определению свойственной договору локализации, т.е. определению правового пространства, к которому в наибольшей степени данное правоотношение относится²¹.

Итак, классический коллизионный

ԲԱՂԱՔԱՑՆԻՎԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆԵՐ

подход делает, фактически, пространственный выбор, невзирая на “качество” результата.

Сторонники conflicts justice объясняют это тем, что невозможно установить одно, единое и универсальное понятие “справедливости” для всех стран, ввиду различных интересов, целей и задач, вложенных законодателем в смысл коллизионной нормы в определенный период времени.

Как утверждал Г. Кегель, “международное частное право стремится к пространственно лучшему решению, в то время как материальное право — к существенно (материально) лучшему решению”²².

С точки зрения материальной справедливости (substantive justice) международное частное право должно стремиться к разрешению коллизий с той же целью той же справедливости, какая преследуется в материальном (внутреннем) праве. Как видно, данная точка зрения диаметрально противоположна первой. Если при conflicts justice важна справедливость процесса выбора применимого права, то здесь - справедливость самого результата.

Теория материальной справедливости нашла свое распространение в США, корнями уходя в область философских воззрений Ф. Бэкона, Дж. Локка, Т. Гоббса, Дж. Дьюи, считающих приоритетными средствами постижения истины опыт и индуктивное мышление, т.е. практическая эффективность принимается как критерий истинности. “Истинно все, что полезно”²³.

Данные идеи были трансформированы в область коллизионного регулирования в форме “метода отбора результата” (“result-selective approach”). Наиболее

подробное научное обоснование данный метод получил в работах Р. Лефлара, Дж. Каверса, Б. Карри, В. Кука.

Итак, для достижения справедливости в смысле материального права в свете вышесказанного и формирования методологической базы для выбора применимого права представляется целесообразным некий диалог между существующими методологическими системами выбора применимого права.

В этой связи особый научный интерес вызывает статья современного ученого С. Симеонидеса “Приспособленный унитарализм как начальная предпосылка в выборе права”²⁴.

Термины унитарализм или мультилатерализм (или билатерализм) не были восприняты корректно, с тем и их применение оказалось исключаящим друг друга. Как известно, унитарализм — это подход, при котором страна суда выбирает применимое право, основываясь исключительно на собственных понятиях и предпочтениях, независимо от заявлений другой стороны. А билатерализм со времен обоснования его Ф.К. фон Савиньи, пользуется в общем положительной “репутацией”.

Однако, унитарализм, при условии его правильного восприятия, может внести свою лепту в дело разрешения коллизий. Унитарализм и билатерализм являют собой две ветви коллизионного метода (selectivist method). Унитарализм выбирает на основании соответствующих заявлений каждого правопорядка на применение своего права, в то время, как билатерализм осуществляет свой выбор в зависимости от predetermined критериев (имеются в виду привязки). Билатерализм характеризуется нейтральным отношением к материальному результату выбора права.

Возвращаясь к историческому прош-

лону унилатерализма, С. Симеонидес указывает, что итальянские статутари XII века устанавливали для каждого конкретного статута свою предполагаемую цель, однако, это не давало возможности *inter alia* разрешить те случаи, когда на решение коллизионного вопроса претендовало более одного или же ни одного статута. Когда же была сделана попытка восполнить пробелы статутарной теории, билатеральный подход к разрешению коллизий уже занял главенствующее положение.

Однако, как указывает С. Симеонидес, с середины XX века унилатерализм в определенной форме сумел снова проявить себя. Течение, которое называется нео-унилатерализм, имело своих видных представителей в США. Как указывает С. Симеонидес, подход к унилатеральной системе как исключительно “узкой” (“*parochial*”) несправедлив. Автор предлагает избавиться от того стереотипа, что унилатерализм является антиподом билатерализма, и использовать в коллизионном методе те элементы унилатерализма, которые признанно обладают высоким уровнем точности к результату.

В наши дни в литературе высказывается мнение об использовании “приспособленного унилатерализма”, который по возможности будет выбирать применимое право исходя из изучения материальных норм, а не *a priori*.

Таким образом, автором предлагается достаточно интересная формула, состоящая из сознательной комбинации приспособленного унилатерализма и билатерализма. Эти два подхода не являются взаимоисключающими и несовместимыми, более того, для более конструктивного разрешения коллизий международного частного права будет небесполезно использование своего рода симбиоза унилатерального и билате-

рального подходов, что и представляет собой проявление “*pluralisme des méthodes*”²⁵, характеризующим современное международное частное право.

Обращаясь к системам международного частного права Европы, которая является приверженницей билатеральной системы, следует отметить, что здесь также присутствуют элементы унилатерального подхода. В частности в форме закрепления императивных норм, не говоря уже о волне “сверхимперативных” норм. Например, п. 1 ст. 7 Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Римской Конвенции) устанавливает применение императивных норм: “При применении на основании настоящей (Римской — курсив мой К.М.) Конвенции права какой-либо страны может быть признано действие строго императивных норм права другой страны, с которой данная ситуация имеет тесную связь, если по праву этой последней страны такие правила должны были бы применяться вне зависимости от применимого права. При рассмотрении вопроса о возможности применения таких императивных норм, должны приниматься во внимание их существо и цели, а также последствия их применения или неприменения”²⁶.

В заключение следует отметить, что как видно, возможность комплиментарного использования двух данных подходов уже внедрена в международное частное право в виде отдельных институтов. В действительности, несмотря на то, что билатеральный подход и является доминирующим, элементы унилатерализма на сегодняшний день присутствуют практически во всех системах коллизионного права.

На современном этапе преимущественное применение *lex fori* действительно не должно рассматриваться в качестве единственно возможного и обосно-

ԲԱՂԱՔԱՑԻՎԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆԵՐ

ванного варианта, а, при расширении судебного усмотрения, должна ставиться цель достижения максимальной справедливости в деле применения коллизионных норм. Рассмотренные в данной статье теории не могут рассматриваться как изжившие себя. Все новые теории по большому счету носят “паразитический”

характер. Они могут действовать только в условиях налаженного традиционного механизма коллизионного регулирования²⁷.

Отметим также, что не цель достижения единообразия решений определяет методологию выбора применимого права, а наоборот, объективно требуемая и уже сложившаяся методология должна определять справедливые (в том числе и с материальной точки зрения) результаты разрешения коллизий.

¹ Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М. 2007. С.108.

² Там же.

³ Там же. С.36.

⁴ Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. — М.: Междунар. отношения, 2006. — С.29.

⁵ Հայկյանց Ա. Միջազգային մասնավոր իրավունք: Դասագիրք/ Երևանի պետ. Համալս. — Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2010, էջ 40:

⁶ “Private International Law” by M. Wolff. Oxford University Press, 1945. P.18.

⁷ Вольф М. Международное частное право. Пер. с англ. С.М. Рапопорт под ред. проф. Л.А. Лунца. М.: 1948. С. 50.

⁸ Հայկյանց Ա. Միջազգային մասնավոր իրավունք: Դասագիրք/ Երևանի պետ. Համալս. — Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2010, էջ 37:

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х томах. Т.1. Общая часть: Учебник. - М.: Изд. БЕК, 2002. С. 13.

¹¹ Цит. по: Толстых В.Л. “Международное частное право: коллизионное регулирование” СПб, 2004. С. 40.

¹² Ա. Հայկյանց Միջազգային մասնավոր իրավունք: Դասագիրք/ Երևանի պետ. Համալս. — Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2010, էջ 36:

¹³ Лунц Л. А. “Курс международного частного права” в 3 т. М.: Спарк, 2002. С. 131.

¹⁴ Вольф М. “Международное частное право”. 1948. С. 50.

¹⁵ Вольф М. “Международное частное право”. 1948. С. 50.

¹⁶ Ago R. Rìgles generales des conflits de lois // Recueil des cours de l’Académie de droit inter-

national de La Haye. 1936. P. 301.

¹⁷ Лунц Л.А. “Курс международного частного права”. Спарк 2002, С. 171.

¹⁸ Звекон В.П. “Международное частное право”. М. 2004, С. 160.

¹⁹ International Conflict of Laws for the Third Millenium: essays in honor of Friedrich K. Juenger // Material justice and conflicts justice in choice of law. Symeon C. Symeonides. 2001. P. 125.

²⁰ Symeon C. Symeonides “Result-selectivism in private international law” ROMAN Priv. InT’L L & Comp. Priv. L. Rev. 2008. P.2.

²¹ International Conflict of Laws for the Third Millenium: essays in honor of Friedrich K. Juenger // Material justice and conflicts justice in choice of law. Symeon C. Symeonides. 2001. P. 126.

²² Цит. по: Symeon C. Symeonides “Result-selectivism in private international law” ROMAN Priv. InT’L L & Comp. Priv. L. Rev. 2008. P.3.

²³ Монастырский Ю.Э. “Господствующие доктрины коллизионного права США”: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 39.

²⁴ Symeon C. Symeonides “Accomodative Unilateralism as a starting premise in choice of law” 2005.

²⁵ Цит. по: Symeon C. Symeonides “Accomodative Unilateralism as a starting premise in choice of law” 2005. P.24.

²⁶ Вилкова Н.Г. “Договорное право в международном обороте” 2002. Прил. С. 458

²⁷ Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб, 2004. С.155.

**ԿԻՐԱՌՄԱՆ ԵՆԹԱԿԱ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԸՆՏՐՈՒԹՅԱՆ
ՄԵԹՈԴԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿՈԼԻԶԻՈՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ
ՆՊԱՏԱԿՆԵՐԻ ԵՎ ԽՆԴԻՐՆԵՐԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ
ՋԱՐԳԱՑՄԱՆ ԼՈՒՅՍԻ ՆԵՐՔՈ**

Մարիաննա ՔԱԼԱՇՅԱՆ

*Հայ-ուսական (սլավոնական) համալսարանի
քաղաքացիական իրավունքի և
քաղաքացիական դատավարության
ամբիոնի հայցորդ*

Հոդվածը նվիրված է միջազգային մասնավոր իրավունքի առանցքային խնդիրներից մեկին՝ կիրառվելիք իրավունքի ընտրության մեթոդոլոգիային: Հատկանշական է, որ այս խնդիրը ուսումնասիրվել է կոլիզիոն-իրավական կարգավորման խնդիրների պատմական զարգացման լույսի ներքո՝ սկսած XIX-րդ դարից մինչ օրս: Հոդվածում ուսումնասիրվել են օտարերկրյա իրավունքի կիրառման

հիմնական դոկտրինալ մոտեցումները՝ ըստ պատկանելիության ունիլատերալ կամ բիլատերալ համակարգերին: Ուսումնասիրությունը հանգեցնում է այն եզրակացությանը, որ կիրառվելիք իրավունքի ընտրության մեթոդոլոգիան պետք է զարգանա նշված երկու համակարգերի երկխոսության հիման վրա: Դա նաև անհրաժեշտ է միջազգային մասնավոր իրավունքի ոլորտում ծագող կոլիզիաների արդարածի լուծման գործում: Հիմնական եզրակացությունն այն է, որ ոչ թե միանման որոշումների կայացումը պետք է որոշի կիրառվելիք իրավունքի ընտրության մեթոդոլոգիան, այլ այդ մեթոդոլոգիան պետք է կանխորոշի կոլիզիաների արդարացի լուծումը: